Фауст Трин

Слуги его люди

ЧЕРНЫМ БЕЛО

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г85

Иллюстрация и дизайн переплёта *Риджи*

Карта *Ксении Паниной*

Иллюстрации *Юлии Кабановой*

Бета-ридеры *Марина Пинчук* и *Юлия Харузина*

Грин, Фауст.

Г85 Слуги его. Люди / Фауст Грин. — Москва : Эксмо, 2027. — 448 с.

ISBN 978-5-04-235254-6

1560 год. После загадочной смерти царицы Анастасии царь Иоанн Васильевич решает раз и навсегда покончить с колдунами и волшебными существами, заполонившими царские земли и несущими смерть простым людям. Он приказывает сформировать отряд балиев — охотников, которые будут защищать людей от чудовищ и их хозяйки Малахитовой ведьмы. В истории же сохранится другое название этой охоты — опричнина.

Но, спасая людей, молодым балиям предстоит приложить усилия, чтобы самим не стать чудовищами.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-235254-6

© Грин Ф., текст, год издания 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2027

В книге может присутствовать
ряд исторических несоответствий.

Влад Цепеш. Книжный блогер.
Автор канала "Книги у меня в крови"

ПРОЛОГ

Зарев 7069 года от Сотворения мира
(август 1560 от Р. Х.)

Скачут кони, мчатся кони, да сквозь ночь торопятся слуги его. Пьяный месяц скрывается за еловым горизонтом, и не видать в этой ночи ни зги. Мчит всадник, летит всадник, из последних сил торопится, да куда его выведет эта ночь? Ковыль да дорожная пыль. Мох да пепел.

Ветер завывает на перекрёстке, и конь под всадником сбавляет ход. У него ножки-веточки трясутся от усталости, того и гляди издохнет. Да чего животину губить? Да чего человеку в этом лесу гнить?

Там по большаку ещё несколько вёрст, домчит до руин и пожарищ. До костров. До сожжённого леса, который жгли молодые бесы, да, молодые бесы. Пепел и кровь...

* * *

Покуда горел лес, покуда танцевал бес, покуда кровавым ветром носился меж костров нечистый, за много вёрст в палатах царских рекой серебряной текли слёзы.

— Царица, царица наша матушка! — доносился вой сенных девок из каждой горницы. Никто из них не посмел в ночь выйти во двор. Никто из них

не смел поднять взор. Потому что страшнее, чем сама смерть, была участь встретить царя...

Царь Иоанн сидел у ночного озера, а на руках его непробудным сном спала царица Анастасия.

— Небо сегодня звёздами, как жемчугом, расшито, Настюш. Точно твоё полотно, что ты Ванюше на именины вышивала. Оно ему не понравилось, да ты не переживай: подрастёт, уму-разуму наберётся, оценит твой подарок. Что говоришь? Что коня вороного не нужно было мальчишке дарить? Так, полно, Настюш. Меня отец в четыре года на коня посадил. А татарские дети? Говорят, вообще в сёдлах матери их рожают. Представляешь, посажу тебя в седло и заставлю нашего следующего мальчишку или девчонку там рожать. Что улыбаешься?

Царь поцеловал супругу в губы, утёр рукой кровавый привкус железа и вновь зарылся лицом в длинные чёрные волосы царицы.

— Слушай, а чего ждать? Я сейчас коня возьму, и мы помчим отсюда. Далеко-далеко. Ванюшу на Андрюшку оставим, а сами поедем в те земли, где солнце светит весь год и дивные звери и птицы живут. Там никто не будет знать о том, что я царь. О том, что ты царица. Будем жить, пахать плодородную землю. Не шучу, что ты. Вырастим, помнишь, фрукт такой был, ну этот, как его... арбуз. Вот будем их как раз выращивать. Ну, видишь, всё же не так плохо, Настюш. Вот уже и загадали себе жизнь тихую. Человеческую.

Царь поцеловал царицу в лоб и улыбнулся.

— Ладно, Настюш. Всё, полно. А то замёрзла ты. Вот сейчас прям и пойдём на конюшню. И лошадь заберём. Ты спи, звёздочка моя ненаглядная, спи, я тебя донесу, ты у меня такая лёгкая, точно пёрышко совиное. Спи. А проснёшься — далеко будем. Далече...

* * *

Иван встал на колени и, не выпуская из объятий своей жены, попытался подняться на ноги. Медленно, превозмогая усталость, он, пошатываясь, встал. Сделал один шаг, другой, а затем нога его подвернулась, и рухнул царь, да только не выпустил из рук тела царицы.

— Глина родная тебе ближе земель солнечных, Настюш? Знаю, что ближе... Хочешь здесь остаться — останемся. Только вернись ко мне. Глаза открой...

Голос Ивана дрожал, хрипел и превращался в шёпот. Подул сильный ветер. Пыль поднялась в воздух и медленно опустилась на окоченевшее тело царицы и измотанного царя.

— Ваня, вставай, — донёсся хриплый и полный горечи голос из самого сердца тьмы, и подле царя возник силуэт мужчины в длинных белых одеждах, явившегося сюда с дуновением ветра. Единственного, кому было под силу летать наперегонки с самим ветром.

— Андрей, друг мой, посмотри, что они сделали с моей Настенькой...

Иван Васильевич поднял на прибывшего полные слёз глаза. Князь Курбский опустился на колени рядом с царём, протянул руку, будто бы убедиться, что перед ним действительно тело царицы Анастасии, да Иван прижал мёртвую жену к себе ещё крепче.

— Не тронь! Не тронь её, Андрей. Она спать хочет.

— Она умерла, Ваня! — проревел князь Курбский. — Умерла! Господи, Ваня! Ты же клялся мне, что от всех смертей убережёшь её! Ваня!

Даже в ночи было видно, что зелёные глаза князя поменяли цвет на алый, а лицо его словно вытянулось.

— Дай мне, я спасу её! — воскликнул князь. — Тот, чья кровь во мне, он же мог мёртвых к жизни возвращать. Мог же! Уступи!

— Андрюша, друг мой, день я с ней здесь лежу. И, видно, тебя позвали, чтобы вернуть нас... Не вернёшь ты её к жизни. Что там в рукописи говорилось? Тело тёплым должно быть, а любовь моя холодней, чем снег...

— Тогда в палаты пойдём. Тебя потерять не хочу я. О детях своих подумай, если ради меня жить не хочешь. О ваших с Настенькой детях.

Не выпуская царицу из рук, царь навзничь откинулся на холодную землю. Ему были безразличны мольбы друга, мысли его были далеко. День он уже мечтал заболеть, окоченеть и остаться в этой земле вместе с любимой супругой. Да только смерть от него отворачивалась.

— Ваня, ты просил так не делать, но если ты не уйдёшь, я...

— Прикажешь мне? Возомнил себя царём мёртвых, да, Андрюша? Ты колдовство своё бесовское не смеешь на мне испытывать. И на Насте я не дал бы тебе испытать, она сама против этого всегда была... Против...

— Да, я был противен ей, знаю, — усмехнулся Андрей. — Сама упрашивала меня, чтобы я агнцем сделался и на заклание пошёл по доброй воле, и сама же потом взгляд отворачивала. Как и все вы...

Но царь, казалось, совсем не слушал то, что говорил его лучший друг, и лишь смотрел на звёздное небо. И в уме утвердилась одна мысль: «Против всего этого».

Какое-то время мужчины молчали. Князь Курбский раненым зверем ходил из стороны в сторону, а царь лежал в грязной траве, обнимая умершую жену, пока наконец не позвал друга.

— Андрей, видишь ты теперь то, что смертным неведомо. А вдруг колдовская сила её сгубила? Смог бы ты силу колдовскую почувствовать?

Князь сначала даже не понял, что Иван Васильевич к нему обращается. А потом обернулся, словно его пчела ужалила.

— В палаты вернуться надо, Ваня.

— Нет, Андрей. Нельзя. А если познает кто?

— И так все знают, что царица умерла. А пока ты следом отправиться хочешь, беда какая с детьми приключиться может! И сбудутся те самые слова...

Обоих мужчин словно ошпарило. И князь, и царь вспомнили полыхающий город и женщину, сидящую на крепостной стене. Коса её переливалась на солнце чёрным золотом. Кокошник был расшит зелёными камнями, а доспехи покрыты разноцветной змеиной чешуёй. В том городе сгубили её детей и слуг. В том городе казнили её воинов. В том городе человечьи войска пересекли границу мира людей, и вторглись в земли невиданных существ, и освободили эти земли для того, чтобы люд христианский здесь жил безопасно. И когда чаша терпения царицы этих земель переполнилась, она явилась сама.

Но не молила. Не упрашивала. А просто смотрела взглядом древнее, чем скалы и ели. Жгла этим взглядом одного-единственного человека: царя Иоанна Васильевича, что был из рода Рюриковичей. А потом заговорила:

«Мира хотела с тобой, но ты ответил войной. Камни пусть говорят, пусть стекленеет взгляд. Род угасает твой. Сын мрёт один и другой, пусть одного убьёшь сам, другого болезням отдам. Собакой сдохнет жена. И не она одна. Ты же сойдёшь с ума. Вот, царь, твоя война. Всех, кого любишь, убьёшь. Следом и сам падёшь.

И Рюрика род умрёт. Сто лет — как один год. Сто лет — и всё здесь падёт. Ещё триста — восстанет народ. И не будет царей и людей. И не будет власти твоей. Ты познаешь, как камень разит. Ты познаешь, как сердце болит. Ты посеял гнев и огонь. Ты пожнёшь только прах, смерть и боль.

Когда сдохнет твоя жена, да начнётся моя война. Тогда я приду за тобой. И твой род порастёт травой».

Закончив свою странную песню, женщина обратилась крылатой змеёй и взмыла в небо. Ведьма и нехристь, что ещё можно было от неё ожидать?

— Андрей, — прошептал царь. — Андрей, я детей ей не отдам. Андрей, надо войско собирать.

Язык царя заплетался. Князь хотел помочь ему встать, но царь подал ему тело своей жены.

— Возьми её. Отнеси её в покои. А я следом вернусь. Негоже, чтобы меня в таком виде подданные узрели.

— Нет, мой царь, — учтиво склонился князь и бережно принял тело царицы. На губах ее застыла светлая улыбка. В свой последний миг она улыбалась. — Вместе пойдём. А кто посмеет хоть что-то сказать против тебя...

— Убивай их, Андрюша. И никакой им всем пощады. Дозволяю тебе: хоть бочки крови их набирай, только найди мне виновников. А когда виновников найдём, соберём такое войско, которого свет не видел.

Царь медленно шёл к палатам. Гнев переполнял его, и оттого уверенней он уже ступал по земле, а Андрей с телом царицы на руках двигался следом.

— Вот увидишь, Андрей. Войско соберём. Бабка моя не один секрет припрятала. И не будем одни в своём грехе и одиночестве. Других сделаем.

Андрей пребывал в задумчивости, и усталый голос друга почти не беспокоил его, но фразу про других он не понял.

— О каких других ты говоришь, Ваня?

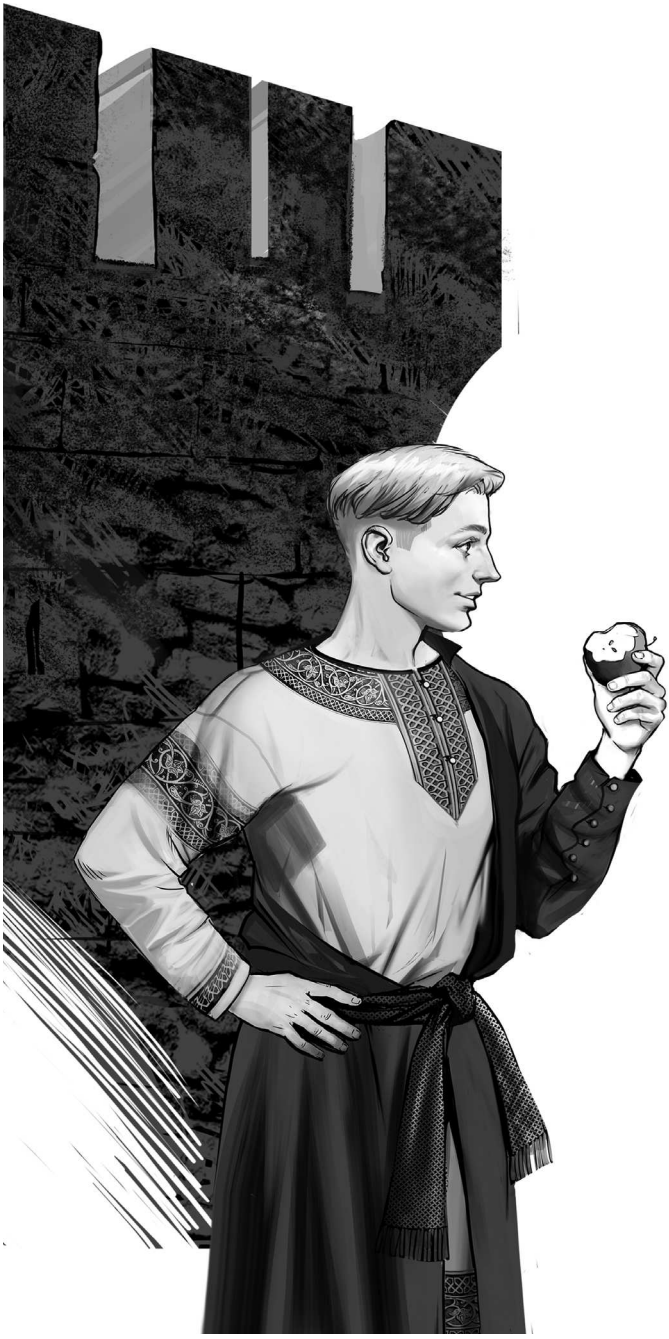
— О балиях я говорю, Андрюша. О тех, кто был бы равен по силе чудовищам и всех этих тварей, что заполонили наши православные земли, уничтожить смог бы. Чтобы не было в деревнях леших и русалок, чтобы лихо по дорогам путников не подстерегало. Чтобы упыри да оборотни кровавую дань не собирали. И чтобы не мой род, а род Малахитовой Ведьмы оборвался. А её я выставлю на площади на потеху люду. Её змеиную кожу сдеру с неё живьём и сапоги прикажу сшить себе и мальчишкам моим. Чтобы знала она место своё и не смела угрожать единственному владыке этих земель.

— Ты что, Ваня, решил бросить вызов Хозяйке? — Андрей наконец-то осознал, о чём говорит царь, и испугался.

— Не хозяйка она нам! И не будет ею никогда! — рявкнул царь. — А кто её хозяйкой назовёт, будь то дитя, старик, мужчина или женщина, крестьянин, боярин, дьякон, да хоть сам Дьявол! Тому голову с плеч — долой!

Вдалеке закричали первые петухи, призывая солнце на борьбу с непроглядной холодной ночью, что оплетала бесконечные золотые поля да тёмные леса.

ГЛАВА 1

Юноша лет пятнадцати стоял на крепостной стене и жадно поглощал печёное яблоко. С отцом, князем Вяземским, юный Афанасий прибыл в Коломну, как только всадник доставил письмо с известием о смерти царицы. Юный князь не очень любил покидать родное поместье, однако, как говорил сам Иван Андреевич, все его сыновья должны по стопам его пойти, а для того часто в люди выезжать, чтобы каждого знали.

С годами дел у Афанасия становилось всё больше, а свободы — всё меньше. Он уже, как и старшие братья, ходил в военные походы, вот только в гущу сражения его пока не пускали. А сражаться Афанасию хотелось. Страстно хотелось. Многие говорили, дескать, Афанасий хочет своего старшего брата Василия, по кличке Волк, превзойти. Но истинные намерения юноши были молве неведомы. Он и сам себе боялся признаться в них, да только стоял на крепостной стене и словно выискивал кого-то внизу, пока наконец глаз не зацепился за белый охабень, расшитый золотыми и синими цветами. Его обладатель сидел на берегу небольшого озерца — там, где обычно бабы стирали бельё.

Прежде, когда князь Андрей входил в палаты, взгляда от него не могли отвести ни женщины, ни мужчины: рослый, статный, с глазами зелёными, точно молодые еловые иголки, и волосами цвета

первых солнечных лучей, правая рука царя Ивана и его лучший друг — он предпочитал белые и золотые тона в одежде. Часто и вовсе в заморское платье рядился, чем вызывал недовольство бояр.

Заметив князя, Афанасий поспешил вниз по лестнице, но на последних ступенях столкнулся с темноволосым мальчишкой лет одиннадцати и сбил его с ног. Отрок в красном кафтане скатился вниз.

— Эй, смотри, куда бежишь! Я батьке пожалуюсь — он тебя выпорет, — потирая ушибленную задницу, проворчал мальчик.

— Я сам кого хочешь выпорю, — огрызнулся Вяземский и, не подав парнишке руки, помчался дальше.

Чего-чего, а вот жаловаться отцу — Алексею Даниловичу — его сын Фёдор боялся. За свою недолгую жизнь Басманов-младший твёрдо уяснил, что отца не трогают ни уговоры, ни слёзы. А за жалобу Фёдор первым получал кнута, хоть и был боярским сыном. Но чужим людям знать это было необязательно, и иногда угрозы маленького Фёдора их пугали.

Басманов поднялся, отряхнулся, пригладил взъерошенные чёрные кудри и похромал вслед за своим обидчиком. Нужно было хотя бы узнать его имя и положение. На будущее. Когда Фёдор вырастет, станет большим и сильным, он обязательно отомстит. В этом боярский сын не сомневался.

Когда Вяземский добежал до озера, он увидел, что рядом с князем теперь стоит молодой мужчина. Его тёмные волосы отливали рыжиной. Он был невысок, коренаст и в тёмном армяке с красным кушаком казался каким-то холопом. Однако с князем смел говорить непростительно дерзко. Вяземский спрятался в кустах и навострил уши. Мужчину он видел впервые, более того — впервые видел, как кто-то

смеет повышать голос на князя Курбского. Афанасию это казалось в принципе невозможным.

С князем Андреем Курбским Афанасий Вяземский познакомился несколько лет назад, когда ездил с отцом и братьями в Можайск. Братья в очередной раз подшутили над Афанасием, подбросив ему в кровать ужа, зная, что любых змей мальчик до смерти боится. Проснулся Афанасий на рассвете оттого, что скользкая гадина заползла ему под рубаху, желая согреться. Мальчишка не убил змею, как надеялись братья, а, стряхнув ужа, зарыдал от страха и в одной рубахе и портах побежал прочь из крепости. Бежал долго, пока к озеру не выбежал. У воды решил он умыться, да берег оказался крут, и свалился мальчишка в воду, да глубоким озеро оказалось. Там и начал мальчик задыхаться и барахтаться — и совсем бы на дно пошёл, если бы не всадник, проезжавший мимо. Ни секунды не думая, сбросил с себя кольчугу всадник, нырнул в воду на помощь мальчишке.

Когда Афанасий пришёл в себя, перед ним стоял самый настоящий ангел. В белых заморских одеждах. При белом коне. Он весь сверкал — или из-за воды и солнца так показалось мальчику. Незнакомец участливо улыбался Афанасию, но в его глазах столько боли было, столько тоски, что мальчишка лишь спросил, даже забыв сначала поблагодарить:

— Почему тебе грустно?

— Потому что я скоро умру, — тихо ответил мужчина. Он снял с коня дорожный мешок и достал из него сухую рубаху. — Надевай, замёрзнешь — заболеешь. А тебе пожить ещё нужно.

— А почему ты, господин, умрёшь? Ты сильно болеешь? — спросил мальчик, наспех переодеваясь в сухую рубаху.